

Азбука
PREMIUM

К Н И Г И
ДАФНЫ ДЮМОРЬЕ
в серии
«Азбука Premium»:

ПТИЦЫ
и другие истории

СИНИЕ ЛИНЗЫ
и другие рассказы

РАНДЕВУ
и другие рассказы

БЕРЕГА
Роман о семействе Дюморье

НЕ ПОЗЖЕ ПОЛУНОЧИ
и другие истории

ТРАКТИР «ЯМАЙКА»
МОЯ КУЗИНА РЕЙЧЕЛ

ГОЛОДНАЯ ГОРА
КОРОЛЕВСКИЙ ГЕНЕРАЛ

БОГЕМА

ПОЛЕТ СОКОЛА

ДУХ ЛЮБВИ

ЗАМОК ДОР
ПРОЩАЙ, МОЛОДОСТЬ

ДОМ НА БЕРЕГУ

ФРАНЦУЗОВ РУЧЕЙ

ДАФНА ДЮМОРЬЕ

Французов
ручей

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Д 96

Daphne du Maurier
FRENCHMAN'S CREEK
Copyright © Daphne du Maurier, 1941
All rights reserved

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency LLC.

Перевод с английского Галины Клепцной

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-11953-6

© Г. Н. Клепцна, перевод, 2018
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

Когда с моря вдоль Хелфорда дует восточный ветер, сияющие воды реки мутнеют и покрываются рябью, а у песчаного берега вскипают мелкие сердитые буруны. Невысокие волны захлестывают отмели даже во время отлива; болотные птицы с шумом поднимаются в воздух и, перекликаясь на лету, движутся к илистым верховьям. И только чайки с криками носятся над водой, то и дело ныряя вниз в поисках корма, и их серые перья искрятся от соленых брызг.

Тяжелые валы бегут по проливу, огибая мыс Лизард, и с силой врываются в устье реки; мутный поток, смешанный с прибоем и донными морскими водами, раздувшийся от недавних дождей и почерневший от ила, мчится вперед, унося с собой сухие ветки, соломинки, скопившийся за зиму мусор, листья, слишком рано опавшие с деревьев, мертвых птенцов и лепестки цветов.

Пусто на рейде в эту пору — восточный ветер не дает кораблям удержаться на якоре, и, если бы не домики, притулившиеся у Хелфордской переправы, да не коттеджи, разбросанные там и сям у Порт-Наваса, река выглядела бы точь-в-точь так же, как в незапамятные, давно минувшие времена.

Ничто не нарушало тогда величия этих холмов и долин, ни одна постройка не оскверняла пустынные поля и дикие скалы, ни одна труба не виднелась над

ДАФНА ДЮМОРЬЕ

высокими кронами леса. Ближайшая деревушка, тоже носившая название Хелфорд и состоявшая всего из нескольких домиков, совершенно не влияла на жизнь реки, отданной в полное распоряжение птиц: кроншнепов, травников, кайр и тупиков. Ни одно судно не осмеливалось заплывать выше по течению, и поверхность тихой заводи, образовавшейся невдалеке от Константайна и Гвика, оставалась всегда спокойной и гладкой.

Мало кто знал в те дни об этой реке, разве что моряки, находившие здесь приют, когда юго-западные ветры выносили их из пролива и прибывали к берегу; места эти казались им чересчур суровыми и неприветливыми, пугали их своей тишиной, и, как только ветер менял направление, они не мешкая поднимали паруса и выходили в открытое море. В деревню они почти не заглядывали, считая ее жителей глуповатыми и замкнутыми, а бродить по лесам и шлепать, словно болотные птицы, по грязи этим людям, истосковавшимся по домашнему теплу и женской ласке, было и вовсе ни к чему. Так и бежал Хелфорд, никому неведомый, никем не признанный, среди лесов и холмов, по которым никогда не ступала нога человека, храня ото всех свое колдовское очарование и дремотную летнюю красоту.

Зато теперь... Каких только звуков не услышишь теперь на его берегах! Оставляя позади пенный след, снуют по воде прогулочные катера; непрерывно мелькают яхты; вялые, пресыщенные туристы, разомлевшие от окружающих красот, прочесывают отмели, вооружившись сачком для ловли креветок. Кое-кто, усевшись в пыхтящий автомобильчик, едет по скользкой, тряской, неровной дороге до деревни и, круто свернув в конце направо, выходит у старинной постройки, при-

надлежавшей некогда усадьбе Нэврон, а теперь занимаемой семьей фермера. Следы былого великолепия сохранились здесь и поныне: в конце загона видны остатки усадебного двора, а у новенького сарая, подпирая его рифленую крышу, стоят две увитые плющом и поросшие лишайником колонны, в свое время, видимо, украшавшие парадный вход.

Кухня с каменным полом, куда турист заходит, чтобы выпить чашку чаю, составляла когда-то часть обеденного зала, а лестничный пролет, заложенный кирпичом, некогда вел на галерею. Прочие детали усадьбы были, наверное, снесены, а может быть, разрушились сами собой. Так или иначе, прямоугольное здание фермы, хотя и приятное на вид, мало чем напоминает прежний, запечатленный на старинных гравюрах Нэврон, построенный в форме буквы Е. Что касается сада и парка — их, конечно, давно нет и в помине.

Расправившись с чаем и десертом, турист благодушно поглядывает по сторонам, даже не подозревая о женщине, которая много лет назад, в такую же летнюю пору, стояла на этом месте и так же, как он, запрокинув голову и подставив лицо солнцу, любовалась блеском воды за деревьями.

Отзвуки былых времен не долетают до туриста, заглушенные привычным шумом деревенского двора: звяканьем ведер, мычанием коров, грубыми голосами фермера и его сына, окликающих друг друга издали; он не слышит тихого свиста, доносящегося из темной чащи, не видит человека, который стоит у кромки леса, поднеся руки ко рту, и второго, осторожно крадущегося вдоль стены спящего дома, не видит, как наверху распаивается окно и Дона, наклонившись вперед и не поправляя упавших на лицо локонов, пристально вгля-

ДАФНА ДЮМОРЬЕ

дывается в темноту, тихонько постукивая пальцами по подоконнику.

Все так же несет свои воды река, все так же шелестят под теплым ветерком деревья, сорочаи все так же рожутся в иле, выискивая корм, протяжно кричат кроншнепы, и только люди, жившие в те далекие времена, давно уже покоятся в земле — имена их забылись, надгробные плиты заросли лишайником, надписи на них стерлись.

Крыльцо, на котором когда-то ровно в полночь, улыбаясь в тусклом мерцании свечей и сжимая в руке шпагу, стоял человек, развалилось под копытами домашних животных.

Вздущаяся от нескончаемых зимних дождей река кажется унылой и неприглядной, когда фермерские дети бродят весной по ее берегам и собирают первоцвет и подснежники, разгребая тяжелыми от грязи сапогами сухой валежник и прошлогодние листья.

И хотя деревья по-прежнему дружной гурьбой сбегают к воде, а мох все так же сочно зеленеет у пристани, где Дона некогда разводила костер и, глядя поверх языков пламени, улыбалась своему возлюбленному, — корабли больше не заплывают в эту заводь, не тянутся к небу высокие мачты, не гремят, опускаясь, якорные цепи, не витает в воздухе крепкий табачный дух, не разносится над водой веселый чужеземный говор.

Одинокий путешественник, бросивший свою яхту на причале в Хелфорде и на надувной лодке, под протяжные крики козодоев, отправившийся летней ночью вверх по реке, замедляет ход и останавливается, добравшись до устья ручья: что-то загадочное, колдовское, витающее над этим местом, удерживает его. Впервые забравшись так далеко, он оглядывается на

спасительную яхту, застывшую у причала, на широкую реку за своей спиной и замирает, подняв весла, пораженный безмолвием открывшейся перед ним узкой извилистой протоки. Сам не зная почему, он чувствует себя здесь чужим, посторонним, пришельцем из другого мира. Боязливо и неуверенно начинает он продвигаться вперед вдоль левого берега; весла удивительно гулко шлепают по воде, будя странное эхо в кустах на противоположной стороне. Путешественник медленно плывет дальше, берега сужаются, деревья все ближе подступают к ручью, и какое-то неясное томление, какая-то истома неожиданно охватывают его.

Вокруг ни души. Чей же шепот доносится до него с отмели? Что за человек притаился там, под деревом, — в руке у него шпага, пряжки туфель блестят в лунном свете? И кто эта закутанная в плащ темноволосая женщина, стоящая рядом? Нет, он ошибся: это всего лишь тени, дрожащие на земле, всего лишь шелест листьев в ветвях да шорох встрепенувшейся в кустах птицы. Отчего же он вдруг растерялся, что испугало его, что помешало ему плыть дальше, в верховья, почему он вдруг решил, что дорога туда для него закрыта? Он разворачивает лодку носом к пристани и гребет вниз по течению, а шорох и шелест настойчиво следуют за ним по пятам: вот простучали по лесу чьи-то торопливые шаги, вот долетел издалика чей-то зов, чей-то свист, обрывок странной чужеземной песни. Путешественник пристально вглядывается в темноту; тени перед его глазами сгущаются, делаются резче, складываются в силуэт легкого, изящного сказочного корабля, словно приплывшего к нему из прошлого. Сердце его начинает отчаянно биться, он налегает на весла,

ДАФНА ДЮМОРЬЕ

и лодка стрелой несется прочь по темной воде, подальше от этого непонятного наваждения.

Очутившись под защитой яхты, он снова бросает взгляд на ручей: полная луна, сияющая и величественная, поднимается над верхушками деревьев, заливая ручей волшебным блеском. Из зарослей папоротника на холмах долетают протяжные крики козодоев; с легким плеском выпрыгивает из воды рыба. Яхта неспешно разворачивается навстречу приливу, и ручей скрывается из виду.

Путешественник спускается в свою удобную, надежную каюту и начинает рыться в книгах. Вскоре он находит то, что искал. Это карта Корнуолла — не слишком точная и не слишком подробная, купленная по случаю в книжной лавке Труро. Бумага пожелтела и выцвела, буквы расплылись от времени. Орфография типична для прошлого века. Хелфорд обозначен достаточно четко, хорошо видны Константайн и Гвик. Но путешественник ищет не их, он смотрит на тонкую линию, отходящую вбок от главного русла, — короткий, извилистый отрезок, тянущийся на запад, к долине. Под ним полустершаяся надпись — «Французов ручей».

Путешественник озадаченно разглядывает ее, пожимает плечами и сворачивает карту. А затем укладывается в кровать и засыпает.

На пристани воцаряется тишина: не плещет вода под ветром, не кричат козодои. Яхта спокойно покачивается на волнах, освещенная лунным светом. Путешественник спит; тихие видения неслышно проносятся над его головой, и прошлое, увиденное во сне, становится для него явью.

Из паутины и тлена медленно проступают тени забытых веков, они окружают его и уводят за собой. Он слышит цокот копыт на аллеях Нэврона, видит, как распахивается тяжелая дверь и бледный слуга испуганно смотрит на всадника, закутанного в плащ. Он видит Дону, одетую в старое, поношенное платье, с шалью на голове, стоящую на верхней ступеньке лестницы; видит корабль, застывший в тихих водах ручья, и мужчину, который ходит по палубе, заложив руки за спину и улыбаясь про себя загадочной улыбкой. Кухня фермерского дома снова превращается в обеденный зал; кто-то осторожно крадется по лестнице, зажав в руке нож; сверху доносится испуганный детский крик; тяжелый щит обрушивается с галереи на крадущегося, и два надушенных, завитых спаниеля с рычанием и визгом накидываются на распростертое тело.

В ночь летнего солнцестояния кто-то разводит костер на пустынном берегу и двое — мужчина и женщина — смотрят, улыбаясь, в глаза друг другу, соединенные общей тайной; а на рассвете, с первым приливом, из бухты выплывает корабль — солнце яростно сияет с пронзительно-голубого неба, над морем с криком носятся чайки.

Тени минувших времен теснятся над спящим, он узнает их, они становятся ему близки и понятны, как близко и понятно ему теперь и это море, и этот корабль, и стены Нэврона, и карета, тарахтящая по ухабистым дорогам Корнуолла, и тот, далекий, нереальный, похожий на декорацию Лондон, где по грязным булыжным мостовым разгуливают мальчишки-факельщики, а пьяные гогочущие щеголи толпятся на углу у таверны. Он видит Гарри в атласном камзоле, кото-

ДАФНА ДЮМОРЬЕ

рый бредет наверх в сопровождении двух спаниелей, и Дону, вдевающую в уши серьги с рубинами. Видит Уильяма с его крошечным ротиком на узком неподвижном лице и «Ла Муэтт», стоящую на якоре в тесной извилистой протоке, среди густых зарослей, наполненных криками цапель и кроншнепов. Путешественник спит, мирно раскинувшись на кровати, и во сне его снова воскресают те сладкие, безумные летние дни, когда ручей впервые предоставил убежище изгнанникам и беглецам.

Когда, протарахтев по Лонсестону, карета подкатила к постоялому двору, часы на церкви пробили ровно половину. Кучер что-то буркнул груму, и тот, спрыгнув на землю, побежал вперед, к лошадям. Кучер тем временем заложил два пальца в рот и свистнул. Из постоялого двора на площадь тут же выскочил конюх и начал растерянно протирать заспанные глаза.

— Поторапливайся, малый, — приказал кучер, — нам стоять некогда. Живо напои лошадей и задай им корма.

Он привстал на козлах, потянулся и угрюмо огляделся по сторонам. Грум, шлепая по земле босыми пятками, прохаживался вокруг лошадей и с сочувственной улыбкой посматривал на него.

— Лошади в порядке, — негромко доложил он. — Просто удивительно, как это они до сих пор не выдохлись. Наверное, не зря все-таки сэр Гарри выложил за них целую кучу гиней.

Кучер пожал плечами, ему было не до разговоров: спину ломило, ноги затекли. Дороги вокруг — сущее наказание, а случись что с лошадьми или с каретой — отвечать придется ему, а не груму. Ехали бы себе тихомирно, за неделю, глядишь, и добрались бы. Так нет — непременно надо гнать как на пожар, ни лошадям покою, ни людям. А все потому, что у хозяйки, видите ли, плохое настроение. Слава богу, что хоть сейчас она мол-

ДАФНА ДЮМОРЬЕ

чит — должно быть, заснула. Однако надежды его не оправдались: как только конюх вернулся, неся в каждой руке по ведру, и лошади принялись жадно пить, окно кареты распахнулось и из него выглянула его хозяйка — лицо ясное и бодрое, сна ни в одном глазу, голос холодный, повелительный, нагоняющий страх.

— Почему мы стоим? — осведомилась она. — Ты, кажется, уже поил лошадей три часа назад?

Взмолившись, чтобы Господь послал ему терпения, кучер сполз с козел и приблизился к распахнутому окну.

— Лошади загнаны, миледи, — проговорил он. — За последние два дня они проделали добрых две сотни миль. Для таких породистых лошадей это немалое расстояние. Да и дороги здесь для них совсем неподходящие...

— Глупости, — последовал ответ, — чем лучше порода, тем крепче организм. Впредь останавливайся только тогда, когда я разрешу. Расплатись с конюхом и трогай.

— Слушаюсь, миледи.

Слуга отвернулся, упрямо поджав губы, кивнул груму и, бормоча что-то себе под нос, снова забрался на козлы.

Ведра убрали, бестолковый конюх остался стоять разинув рот, а лошади уже, пофыркивая, неслись прочь. Копыта их звонко цокали по мостовой, от разгоряченных боков поднимался пар, и они летели все дальше и дальше из этого сонного городка, с этой вымощенной булыжником площади, туда, где виднелась вдали разбитая, ухабистая дорога.

Уткнувшись подбородком в ладони, Дона уныло смотрела в окно. Дети, слава богу, спали, рядом при-

мостила Пру, их няня, — рот открыт, щеки порозовели, за два часа не пошевелилась ни разу. Бледная, изможденная Генриетта — маленькая копия Гарри — дремала, прислонившись золотистой головкой к плечу няни. Бедняжка, опять она разболелась — четвертый раз за последнее время. Джеймс спит спокойно, крепким, здоровым сном и, похоже, не проснется до самого приезда. А там... Страшно представить! Постели наверняка сырые, ставни заперты, в комнатах нежилой, затхлый запах, слуги напуганы и растеряны. А все потому, что она слепо поддалась первому порыву, решив раз и навсегда покончить со своим бессмысленным существованием: с этими бесконечными обедами и приемами, с этими глупыми забавами, достойными расшалившихся школяров, с этим омерзительным Рокингемом и его ухаживаниями, с беспечностью и легкомыслием Гарри, старательно играющего роль идеального мужа, с его неизменным ленивым обожанием и противной привычкой зевать перед сном. Чувство это зрело в ней давно, накатывая время от времени, как застарелая зубная боль, и в эту пятницу наконец прорвалось — гневом и отвращением к себе самой. И вот теперь она едет в этой ужасной тряской карете, направляясь к дому, который видела всего лишь раз в жизни, едет, прихватив с собой стгоряча двух перепуганных детей и раздосадованную няньку.

Конечно, это был всего лишь порыв, временный наплыв чувств, она всегда действовала, подчиняясь порыву, всегда, с самого детства, прислушивалась к внутреннему голосу, который нашептывал ей что-то, манил за собой, а потом неизменно обманывал. Она и за Гарри вышла по первому порыву, поддавшись обаянию его ленивой, загадочной улыбки и тому странному

выражению, которое, как ей казалось, таилось в глубине его голубых глаз. Теперь-то она знает, что в них ничего нет, ровным счетом ничего — одна пустота, но тогда... тогда она никому не призналась бы в этом, даже себе самой. Да и что толку — дело сделано, она мать двоих детей, и через месяц ей исполняется тридцать.

Нет, Гарри здесь, конечно, ни при чем, так же как и их никчемная жизнь, и их приятели, их нелепые развлечения, и удушающая жара слишком рано наступившего лета, и пыль на подсохших улицах, и глупые шуточки, которые нашептывал ей в театре Рокингем, — все это ни при чем. Виновата она одна.

Она слишком долго играла неподходящую для себя роль. Слишком легко согласилась стать такой, какой хотели видеть ее окружающие: пустынькой, красивой куклой, умеющей говорить, смеяться, пожимать плечами в ответ на комплименты, принимать похвалу как должное, быть беспечной, дерзкой, подчеркнуто равнодушной, в то время как другая, незнакомая, непривычная Дона смотрела на нее из темного зеркала и морщилась от стыда.

Эта другая Дона знала, что жизнь бывает не только горькой, пустой и никчемной — она бывает еще и огромной, и безграничной, в ней есть место и для страдания, и для любви, и для опасности, и для нежности, и для многого, многого другого. В ту пятницу она впервые осознала всю глупость и бессмысленность своей жизни, осознала так остро и ясно, что даже сейчас, сидя в карете и вдыхая свежий воздух, врывающийся в окно, могла бы воскресить в памяти пышущие жаром улицы, вонь, поднимающуюся из сточных канав, запах гнили и разложения, витающий над городом, запах, который почему-то всегда связывался для

нее с низким раскаленным небом, с сонной физиономией Гарри, отряхивающего полы камзола, с колючей улыбкой Рокингема — со всем этим скучным, погибающим миром, от которого она должна была освободиться, убежать, пока низкое небо не обрушилось ей на голову и клетка не захлопнулась. Ей вспомнился слепой лоточник на углу, на слух определяющий, сколько монет упало в миску, и подмастерье из Хеймаркета, бегущий мимо с подносом на голове, вспомнились его пронзительные, заунывные выкрики и то, как он поскользнулся на груде отбросов и вывалил весь свой скарб на пыльную булыжную мостовую. Вспомнился — о господи, в который раз! — переполненный театр, крепкий запах духов, смешанный с запахом распаренных тел, глупая болтовня и смешки знакомых, придворные, толпящиеся в королевской ложе, и среди них — сам король, нетерпеливый шум на галерке, топот, крики, требования начинать, апельсиновые корки, летящие вниз. И Гарри, хохочущий, как всегда, без причины размякший — то ли от остроумия, несущихся со сцены, то ли от выпитого перед отъездом вина — и в конце концов захрапевший прямо в кресле, к величайшему удовольствию Рокингема, который никогда не упускал возможности поразвлечься и тут же подсел к ней поближе и начал нашептывать на ухо непристойные шуточки. Боже мой, до чего же она ненавидит эту его наглую, бесцеремонную манеру, эти замашки собственногоника! И ведь все это только потому, что однажды, когда она буквально умирала от скуки, а ночь была такой ласковой, такой прелестной, она дала себя поцеловать.

После спектакля они отправились в «Лебедь», хотя, по правде говоря, ей там совсем разонравилось,

особенно теперь, когда стерлось ощущение новизны, а вместе с ним и радостное возбуждение при мысли, что она, знатная дама, законная супруга владетельного лорда, сидит бок о бок с продажными девками в грязном кабаке, куда ни один порядочный мужчина не рискнет привести свою жену. Когда-то она находила в этом своеобразное очарование, ей нравилось смотреть, как приятелей Гарри, сначала шокированных, а затем восхищенных, охватывает лихорадочное веселье, будто любопытных школяров, забравшихся в чужой сад. Но даже тогда, в самом начале, она испытывала время от времени какое-то непонятное смущение, словно по ошибке надела чужой маскарадный костюм, плохо сидящий на ней.

Заразительный, глуповатый смех Гарри и притворно испуганный тон, каким он произносил: «О тебе толкует весь город. В тавернах ходят самые невероятные слухи», — нисколько не трогали ее, а скорее раздражали. Ей хотелось, чтобы он разозлился, накричал на нее; может быть, даже ударил, но он лишь смеялся, пожимал плечами и неуклюже, по-медвежьи, обнимал ее, и она видела, что ее поведение ничуть не задевает его, наоборот, ему приятно, что его женой интересуются, восхищаются, а значит, и его считают не лишенным достоинств. Карета качнулась, провалившись в глубокую рытвину. Джеймс зашевелился во сне и надул губы, словно собираясь заплакать. Дона вложила ему в руку выпавшую игрушку, и он тут же заснул, прижимая ее к себе. Он был сейчас очень похож на Гарри, когда тот, соскучившись, приходит за очередной порцией ласк. «Удивительно, — подумала она, — почему одна и та же черта способна умиливать меня в Джеймсе

и вызывает всего лишь досаду и раздражение, когда речь идет о Гарри?»

В ту пятницу, вдевая в уши рубиновые серьги, чудесно сочетавшиеся с рубиновым ожерельем, она вдруг вспомнила, как Джеймс недавно схватил это ожерелье и попробовал запихнуть себе в рот. «Какой он смешной», — подумала она, не удержавшись от улыбки. И тут же с ужасом увидела, что Гарри, который стоял рядом и поправлял кружево на манжетах, принял ее улыбку на свой счет. «Дона! — воскликнул он. — Ты сегодня просто обворожительна! Послушай, давай не поедем в театр. Плевать на Рокингема, плевать на всех; можем мы, в конце концов, хоть раз остаться дома?» Бедный Гарри, как это похоже на него — воспламениться от улыбки, предназначенной другому. «Что за глупости!» — проговорила она и отвернулась, чтобы он не вздумал опять приставать со своими неуклюжими ласками. Лицо его мгновенно вытянулось, губы сжались в хорошо знакомую упрямую гримасу, и они поехали в театр, а после театра — в таверну, как ездили уже много-много раз — в другие театры и в другие таверны, — злые, раздраженные, с отвратительным настроением, испортив вечер до того, как он успел начаться.

А когда вернулись домой, он кликнул своих спаниелей, Герцога и Герцогиню, и те принялись носиться вокруг него, пронзительно, на весь дом, тявкать, прыгать на руки и выклянчивать лакомые кусочки. «А ну-ка, Герцог, ну-ка, Герцогиня! — кричал он. — Ну-ка, кто быстрее?» И швырял лакомство через всю комнату прямо на ее кровать, и собаки рвали когтями полог, пытаясь забраться на одеяло, и лаяли, лаяли не пере-

ставая. Дона заткнула уши, чтобы не слышать этого дикого, отчаянного лая. Сердце ее лихорадочно стучало, она чувствовала, что холодеет от злости. Выбежав из комнаты, она кинулась вниз по лестнице и прыгнула в стоявший у подъезда портшез. И снова окунулась в уличный жар, увидела плоское, безжизненное небо, нависшее над головой...

Карета опять провалилась в глубокую колею. На этот раз зашевелилась Пру. Бедняжка Пру, как она, должно быть, измучилась! Ее глуповатое честное лицо потемнело и осунулось; наверное, она сердится на свою хозяйку за этот странный, внезапный отъезд. Кто знает, может быть, в Лондоне у нее остался дружок, теперь он быстро найдет ей замену или даже, чего доброго, женится и навсегда разобьет сердце Пру. И все из-за ее, Доны, глупых причуд, из-за ее несносного характера. Ну что, в самом деле, Пру будет делать в Нэвроне — гулять с детьми по аллеям сада и вздыхать о лондонских улицах, оставшихся за многие сотни миль? Да и есть ли в Нэвроне сад? Трудно сказать. Дона приезжала туда всего один раз, сразу после свадьбы — ах, как давно это было! Какие-то деревья там, кажется, росли. Еще она помнит реку, искрящуюся на солнце, и длинную комнату с огромными окнами — вот, наверное, и все. Ей тогда было не до пейзажей: она уже ждала Генриетту, чувствовала себя отвратительно, жизнь представлялась ей нескончаемой чередой недомоганий, душных комнат, мягких диванов и бутылочек с нюхательной солью. Неожиданно она почувствовала голод. Карета с грохотом проехала мимо цветущего яблоняного сада, и она поняла, что ей ужасно хочется выйти и пообедать именно здесь, на краю дороги, под откры-

тым небом. Да-да, нужно немедленно остановиться. Она высунула голову из окна и прокричала кучеру:

— Остановимся здесь! Я хочу пообедать на свежем воздухе. Помоги мне расстелить пледы.

Кучер с недоумением посмотрел на нее:

— Но, миледи, трава, должно быть, сырая. Вы простудитесь.

— Какая ерунда, Томас! Я хочу есть. Мы все проголодались! Спускайся, сейчас мы устроим обед.

Кучер покраснел от досады и неловко сполз с козел. Грум отвернулся, покашливая в кулак.

— А может быть, доедем до Бодмина, миледи? — осмелился предложить кучер. — Там есть гостиница, вы отдохнете, пообедаете как следует. Ей-богу, это будет гораздо удобней. А то, не ровен час, кто-нибудь пройдет по дороге и увидит, как вы сидите здесь на обочине. Сэру Гарри это вряд ли придется по вкусу...

— Перестань болтать, Томас, — отрезала хозяйка. — Делай, что тебе велено.

И, не дожидаясь, пока он ей поможет, она вылезла из кареты и решительно двинулась по грязной дороге, вздернув юбку выше щиколоток. «Бедный сэра Гарри, — подумал кучер, — каково-то ему терпеть это каждый день!» Через пять минут все — включая няньку, не успевшую как следует проснуться и растерянно моргавшую круглыми глазами, и детей, изумленно озиравшихся по сторонам, — сидели на траве у обочины дороги.

— А сейчас мы будем пить пиво! — объявила Дона. — Эй, кто-нибудь, принесите пиво! Оно там, в корзинке под сиденьем. Ужасно хочется пива! Ну-ну, Джеймс, не капризничай, ты тоже получишь.

ДАФНА ДЮМОРЬЕ

Она поудобней устроилась на траве, подложив под себя юбки и откинув на спину капюшон, и начала жадно прихлебывать пиво, словно какая-нибудь нищая цыганка. Потом обмакнула палец в кружку и дала попробовать сыну, не забыв при этом милостиво улыбнуться кучеру, чтобы он не подумал, будто она сердится на него за упрямство и нерасторопность.

— Пейте, не стесняйтесь, — приговаривала она, — пива на всех хватит.

Слуги нехотя прикладывались к кружкам, стараясь не встречаться глазами с нянькой. Дона почувствовала досаду, настроение сразу испортилось, она с тоской представила тихую, уютную гостиницу, где можно было бы согреть воды и вымыть детям лицо и руки.

— Куда мы едем? — в сотый раз спросила Генриетта, опасливо косясь на траву и подбирая под себя ноги. — Я хочу домой. Скоро мы приедем домой?

— Скоро, скоро, — ответила Дона. — У нас теперь будет новый дом, красивый, просторный, гораздо лучше прежнего. Ты сможешь бегать по лесу, и никто не станет ругать тебя, если ты испачкаешь платице.

— Я не хочу пачкать платице, я хочу домой, — прохныкала Генриетта.

Губы ее задрожали — долгая дорога утомила ее, она не понимала, зачем они уехали из их уютного, милого дома, зачем остановились на обочине, зачем сидят на грязной траве, — она с упреком посмотрела на Дону и зарыдала. Джеймс, который до этого вел себя совершенно спокойно, вдруг широко раскрыл рот и заревел как белуга.

— Ну что, мои деточки, что, мои хорошие? Испугались этой гадкой канавы? Гадкая канава, гадкая из-

городь, вот мы им сейчас! — запричитала Пру, обнимая детей и давая понять своей хозяйке, что целиком разделяет их горе. Дона поднялась, досадуя на себя за то, что устроила этот глупый обед, и резко отодвинула ногой остатки пира.

— Перестаньте плакать, сейчас поедем дальше.

Она отошла в сторону и остановилась, ожидая, пока нянька, дети и корзины водворятся в карету. Воздух был наполнен ароматом цветущих яблонь и утесника, с далеких болот долетал резкий запах торфа и мха, из-за холмов тянуло влажным морским ветром.

Ах, какое ей, в конце концов, дело до детских капризов, до обид Пру, до поджатых губ кучера, до Гарри с его заботами, до печального выражения, промелькнувшего в его голубых глазах, когда она объявила о своем отъезде! «Но, Дона, черт побери, в чем я виноват? Чем я перед тобой провинился? Ведь я люблю тебя, люблю по-прежнему». Какое ей дело до всего этого, — главное, что она стоит здесь, подставив лицо солнцу и ветру, и это и есть та свобода, о которой она мечтала, это и есть настоящая жизнь!

Тогда, в пятницу, после идиотской выходки в Хэмптон-Корте она попробовала все объяснить Гарри, попробовала рассказать ему, что нелепая шутка с графиней была всего лишь жалкой попыткой осуществить свою тайную мечту, что на самом деле она хотела только одного — убежать. Убежать от себя и от той жизни, которую они вели в Лондоне. Один период ее жизни закончился, она подошла к рубежу и преодолеть его должна сама, без чьей-либо помощи.

«Ну что ж, если хочешь, конечно, поезжай, — обиженно проговорил Гарри. — Я сейчас же пошлю на-

ДАФНА ДЮМОРЬЕ

рочного в Нэврон, чтобы слуги успели подготовить дом. Но все-таки я не понимаю... к чему такая спешка? Нэврон никогда тебе особенно не нравился. И почему мне нельзя поехать с тобой?»

«Я должна побыть одна, — настаивала она, — иначе я просто сойду с ума. Поверь, так будет лучше и для тебя, и для меня».

«Не понимаю», — сердито нахмурившись, повторил он.

И тогда она сделала последнюю, отчаянную попытку объяснить ему то, что ее терзало:

«Помнишь, в Хэмпшире у моего отца были вольеры с птицами? Птиц там хорошо кормили, они могли свободно летать по клеткам. Но когда я однажды решила выпустить на волю маленькую коноплянку и поднесла ее к дверце, она выпорхнула из моих ладоней и устремилась прямо к солнцу».

«Ну и что?» — спросил он, сжимая руки за спиной.

«То, что я похожа на эту коноплянку. Я тоже хочу вырваться из клетки», — ответила она и, хотя говорила совершенно серьезно, отвернулась, скрывая улыбку: уж очень растерянно он смотрел на нее, уж очень смешно и нелепо выглядел в своей белой ночной сорочке.

Он пожал плечами — бедняга, она-то как раз отлично его понимала, — забрался в кровать и, отвернувшись к стене, пробурчал:

«Нет, черт побери, для меня это слишком сложно!»

Дона подергала шпингалет — окно, похоже, не открывали многие месяцы, и задвижку, конечно, заклинило. Она широко распахнула створки, впуская в комнату струю свежего теплого воздуха.

— Фу! Духота, словно в склепе, — проговорила она.

Солнечный луч скользнул по стеклу, и в нем, как в зеркале, отразилась физиономия лакея, стоявшего за ее спиной. Дона могла бы поклясться, что он ухмыльнулся, но, когда она обернулась, лицо его было так же мрачно и неподвижно, как и все последнее время с момента их приезда. «Что за странная личность, — подумала она, — откуда он взялся — тощий, костлявый, неестественно бледный, с крохотным ротиком, похожим на пуговку?»

— Ты давно служишь в Нэвроне? — спросила она. —
Прошлый раз я тебя, кажется, не видела?

— Нет, миледи.

— Тогда здесь работал какой-то старик... как же его звали? У него еще был жуткий ревматизм, он с трудом передвигал ноги. Где он сейчас?

— В могиле, миледи.

— В могиле?

Дона закусила губу и отвернулась к окну. Что это, неужели он над ней смеется? Нет, не может быть. Наверное, показалось.

ДАФНА ДЮМОРЬЕ

— Значит, ты работаешь на его месте? — спросила она, не оборачиваясь, глядя на далекую полосу деревьев.

— Да, миледи.

— А как тебя зовут?

— Уильям, миледи.

Какой забавный акцент! Ах да, ведь он корнуоллец, у корнуолльцев вообще очень странное произношение, но этот выговаривает слова совсем уж на иностранный лад, — а может быть, он и не корнуоллец вовсе? Она повернулась и быстро взглянула на него: ну вот, опять он ухмыляется, точь-в-точь как в прошлый раз, когда она поймала его отражение на стекле.

— Наверное, наш приезд доставил всем немало хлопот, — произнесла она. — Мы нагрянули так внезапно, пришлось срочно открывать комнаты... По правде говоря, дом слишком долго простоял запертым. Всюду скопилось ужасно много пыли. Неужели ты не заметил?

— Заметил, миледи, — ответил он. — Но я решил, что если вы не изволите нас навещать, то и убирать не обязательно. Что за удовольствие выполнять работу, которую некому оценить?

— Пожалуй, ты прав, — согласилась Дона, с любопытством поглядывая на него. — У нерадивых хозяев, как известно, и слуги нерадивые.

— Вот именно, миледи, — невозмутимо откликнулся он.

Дона прошла по длинной комнате, потрогала обивку кресел — поблекшую, выцветшую, — провела рукой по резьбе камина, подняла глаза на картины, развешанные по стенам: вот портрет ее свекра кисти Ван Дейка — что за унылая физиономия! — а вот и сам Гарри. Миниатюра написана в тот год, когда они по-

Дюморье Д.

Д 96 Французов ручей : роман / Дафна Дюморье ; пер. с англ. Г. Клепцной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 320 с. — (Азбука Premium).

ISBN 978-5-389-11953-6

Дона, безрассудная леди Сент-Колам, в порыве отвращения к светской жизни, которую она ведет в Лондоне, отправляется в Нэврон, уединенное поместье на побережье Корнуолла, принадлежавшее ее мужу. Там она обнаруживает, что их дом стал тайным убежищем французского пирата, наводящего ужас на всю округу. Однако встреча с ним меняет представления леди Сент-Колам о морских разбойниках. Вместо кровавагого головореза с командой отпетых негодяев перед ней оказывается ироничный, смелый, образованный и очень обаятельный человек — тот, которого она ждала всю жизнь...

Романтическая история любви соединяется с захватывающим авантурным сюжетом на фоне таинственных пейзажей Корнуолла минувших времен. Роман «Французов ручей» вышел в свет в 1941 году и через три года был экранизирован. В главной роли снялась Джоан Фонтейн, знаменитая исполнительница роли Ребекки, другой героини Дафны Дюморье, в одноименном фильме Альфреда Хичкока.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДАФНА ДЮМОРЬЕ
ФРАНЦУЗОВ РУЧЕЙ

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Валерий Камендо, Валентина Гончар
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 17.08.2018. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 16,8.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-AUM-19985-01-R

Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус» входят известнейшие российские издательства: «Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри». Наши книги — это русская и зарубежная классика, современная отечественная и переводная художественная литература, детективы, фэнтези, фантастика, non-fiction, художественные и развивающие книги для детей, иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям знаний, историко-биографические издания. Узнать подробнее о наших сериях и новинках вы можете на сайте Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

<http://www.atticus-group.ru/>

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг, узнать о различных мероприятиях и акциях, а также заказать наши книги через интернет-магазины.

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/